

ИСКУССТВО

26 ЯНВАРЯ 1996

Валентина КОВЕЛЬ:

“Уныние — это грех!”

Смелд. - с. - 175 - 1995 - 26 сен

шо говорить - у него был талант, и он сам писал пьесы.

- Я не могу не спросить про Товстоногова. Вам, наверное, сильно повезло с ним...

- Это даже не повезло. Это называется - счастье. Мы с Вадимом Медведевым, моим мужем, пришли к нему в 1966 году - сами в БДТ попросились. Мы испытывали величайшую творческую радость, наслаждение от работы с Георгием Александровичем.

- С Темуrom Чхеидзе сегодня ваши отношения складываются, похоже, не слишком счастливо: он вас занял только в одном спектакле.

- Когда мы с ним репетировали “Призраков”, мне было легко, свободно, я его очень хорошо понимала. И, мне кажется, выполнила то, что он просил. Я не обижалась, что не занята у него в других спектаклях, потому что там и ролей-то для меня не было. Что ж делать...

- Кажется, вы настроены оптимистично?

- Да. Уныние, во-первых, грех. И потом, я считаю, что потерять деньги - это плохо, потерять чемодан - тоже плохо, а потерять чувство юмора - это очень плохо. Если с юмором не относиться к происходящему, то жить тяжело.

- Сейчас, когда нет Товстоногова, что вас держит в этом театре?

- Это очень сложный вопрос. Во-первых, если уходить из театра, то надо уходить в более молодом возрасте. И с театром, где есть дух Товстоногова, трудно расстаться. Хотя театр уже не товстоноговский, все равно - дух сохранился. Если уйти куда-то, это будет предательство

во по отношению к нему. Мне так кажется.

- Адольф Шапиро вскоре после своей постановки “Вишневого сада” в БДТ сказал, что попытки “сохранить дух” для театра пагубны, что артисты вашего театра цепляются за прошлое, и это мешает работе с другими режиссерами...

- Товстоногов меня научил нашей профессии - как я могу от этого отказаться? Это и есть дух, а не то, что там какие-то привидения летают в воздухе. Он научил меня актерству, он сказал мне, как надо играть. И попадало мне часто. Я ему говорила: “Я вот хочу здесь так, а тут так, а там эдак”. А он мне: “Вы покажите! Что вы так долго мне рассказываете? Я же знаю, Валя, что вы можете”. Он научил меня внутреннему монологу, научил не быть пустым на сцене. Вот что самое ценное на спектакле - тишина в зале. Когда стоит абсолютная тишина - значит, ты полностью захватил зал, а это искусство. Я этого раньше не понимала, думала, смеются - значит, хорошо. А тишина важнее, это меня тоже Товстоногов научил. Всех хороших актеров в этом театре, а их здесь достаточно, сделал Товстоногов. Они пришли другими. И не надо от всего отказываться, наоборот, мне кажется, надо учить молодых. Раньше вообще никаких специальных школ не было, просто брали и прикрепляли девушку или молодого человека к какому-нибудь мастеру - и получались из них актеры.

- Вы считаете, что это хорошая практика?

- Я считаю, что да. Образовывать себя человек сам может. Конечно, хорошо, когда

есть история западного театра, история русского театра, но сейчас из Театрального института выходят какие-то не очень хорошо обученные ребята.

- Вот вы сказали, что самое важное - это тишина в зале. А смех - такой, например, который я слышала на спектакле “Энергичные люди”, разве он не важен? Ведь это трудно - не погасить смех за столько лет... - с. 8.

- Спектакль сделал Георгий Александрович, а все товстоноговские спектакли долго живут, потому что они сделаны великим режиссером. Я очень люблю эту роль. Я видела “Энергичных людей” даже в других городах, и мне кажется, что Веру Сергеевну не совсем правильно играют, делают из нее такую красивую даму, страдающую от своего мужа. А ей же дано определение Шукшиным: чумичка в каракуле. Сейчас их полно на всех этих тусовках. Ты ее хоть четырежды в норку одень - все равно она будет “чумичка в каракуле”, потому что серьезность выступает. И я с удовольствием ее играю, потому что это узнаваемо, я везде этих “чумичек” встречаю... Очень любила я также свою роль в спектакле “Валентин и Валентина”, я играла там мать Валентина - проводницу. Товстоногов редко говорил комплименты, но про мою роль кому-то сказал: “У меня такое ощущение, что она мне в “Стреле” чай подавала”.

- А вы от ролей часто отказывались?

- Нет, никогда.

- Есть несыгранные роли?

- Несыгранных ролей у актеров много. Им всегда хочется сыграть до последнего своего часа. Но я, например, то, что хотела, - сыграла. Хотела сыграть Настю в “На дне” - играла в Пушкинском театре. Хотела сыграть “Визит старой дамы” - играю до сих пор. Но если каждый артист будет предъявлять театру свои требования, то никакой репертуарный план этого вместить не сможет. Поэтому я очень хочу сыграть “Бабочки, бабочки...” - вне своего театра. Если получится.

Беседовала Алла БРУК

Фото Юрия БЕЛИНСКОГО

УЖЕ почти семь лет нет с нами Георгия Товстоногова, а все ведущие артисты БДТ остаются его, товстоноговскими артистами. Большинство спектаклей, поставленных Георгием Александровичем, уже исчезло с афиши БДТ, но:

...“О, мистер Пиквик!” - непередаваемо жалобно стонет, закатив глаза и заламывая в тоске руки, миссис Бардль из “Пиквикского клуба”...

...“Я вас всех посажу!” - гневно поджимает губы и стискивает кулачки жена “энергичного человека” Вера Сергеевна...

...Лихо пляшет и призывно покачивает бедрами Брандахлыстова со своими “дочурками” в “Смерти Тарелкина”...

Зрители БДТ без труда свяжут эти роли воедино - их играет народная артистка СССР Валентина КОВЕЛЬ.

- Валентина Павловна, куда же все-таки подевался еще два года назад обещанный Романом Виктюком спектакль “Бабочки, бабочки...”?

- Весь прошлый год я надеялась, что все-таки достану денег на этот спектакль и мы его выпустим. Со скрипом, медленно, но это продвигается. Деньги достать трудно. Теперь как-то перевелись Морозовы, Дягилевы, которые артистам всю жизнь помогали. У меня вот в феврале бу-

дет юбилей такой домашний - 50 лет в театре. И я надеюсь, хоть в этом году деньги найти и выпустить спектакль в Театре сатиры. А у нас в Большом драматическом сейчас Сандро Товстоногов ставит “Село Степанчиково”, я там генеральшу репетирую. Но все очень непредсказуемо: может возникнуть какая-то современная пьеса - все остальное отодвинется, сразу же эту пьесу берут. Еще Чехов сказал, что на современной пьесе растет театр. Ему, правда, было хоро-